

ЭВРИХ, ПРЕДВОДИТЕЛЬ ВЕСТГОТОВ – ДРУГ ИЛИ ПОДДАННЫЙ: ПРОБЛЕМА ДОГОВОРА 475 ГОДА В ИСТОЧНИКАХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья подготовлена в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.B25.31.0009).

Анализируется договор между римским императором Непотом и предводителем аквитанских вестготов Эврихом в 475 г. Многие исследователи оценивают этот договор как этапный в распаде Западной Римской империи, предвещающий ее крушение в 476 г. В результате антропологической критики источника и сопоставления позиций существующей традиции исследования проблемы выявляется локальный характер предмета переговоров, связанный с конкретным инцидентом. Только специфика источника способствует гиперболизации значения договора 475 г. Рассматривается значение обращения «друг» со стороны императора к лидеру вестготов и обосновывается ошибочность его трактовки как формального термина, обозначающего правовое равенство сторон.

Ключевые слова: вестготы; варвары; поздняя Римская империя; Эврих; Непот; дипломатические отношения; критика источника; мифотворчество в истории.

Распад и крушение Западной Римской империи являются одними из наиболее известных сюжетов в мировой истории. События, связанные с этими процессами, были оторефлексированы уже их современниками и с тех пор вызвали неизменный интерес. Завершение одной эпохи и начало иной: цивилизационный и культурный разрыв, смена социально-экономических формаций, распад единой имперской Европы на варварские протогосударства – в свете различных концепций падение Римской империи представляется рубежным для истории. Однако при внимательном взгляде на эти концепции становится очевидно, что факт падения империи существует в них как структурная часть философско-исторического мифа – теософского, цивилизационного, материалистического, этического и т.д. Падение Западной Римской империи превращено в миф, лишь в малой степени историчный, наделенный нравственным посылом для общественного и индивидуального сознания. Последовательная деконструкция этого мифа – предмет отдельного исследования, однако рассмотрение падения империи как мифологического образа дает возможность более результативного анализа исторических источников и историографии, нежели ранее.

Магическое очарование 476 г. заставляет многих авторов полагать, что Западная Римская империя к этому времени уже была скорее формальностью, нежели действительностью, разграбленная варварами и поделенная на племенные королевства. В качестве одного из подтверждений такой позиции приводится договор между императором Непотом и вождем вестготов Аквитании Эврихом, заключенный в 475 г. Этот договор рассматривается как официальное признание Римской империей самостоятельного Вестготского королевства в Южной Галлии. Вслед за К. Штроэкером подобное мнение выразили Д. Клауде [1. С. 54], Ю.Б. Циркин [2. С. 160], а О.В. Аулов пошел еще дальше, сочтя этот договор оформлением полной зависимости Рима от Эвриха [3. С. 36] (что представляется необоснованным преувеличением). В стремлении Эвриха к абсолютной самостоятельности уверены такие авторы, как П. Хизер [4. С. 652], Г. Ливермор [5. С. 47], А.Р. Корсунский [6. С. 47].

В то же время существует другой, более взвешенный взгляд на проблему. Х. Вольфрам хотя и говорит о

многократно обещанной вестготам независимости (при этом не указывая, что за обещания он имеет в виду), но не находит ее признаков в договоре Непота и Эвриха [7. С. 265]. Л. Мюссе еще более осторожен, замечая, что действия Эвриха не обязательно привели к разрыву *foedus*^a, и договор с Непотом только свидетельствует в пользу этого [8. С. 55]. Представляется, что причиной такого разброса в трактовках договора 475 г. является не только ограниченность и двусмысленность источников, но, главным образом, позиция конкретного исследователя по поводу падения Римской империи и степени участия в этом процессе варваров. Источники же, несмотря на их скудность и специфичность, достаточно информативны.

На самом деле непосредственно об искомом договоре идет речь только в одном источнике – Житии святого Епифания Павийского, епископа Павии в 467–499 гг., написанном его преемником Эннодием в первой четверти VI в. Однако для дополнения и прояснения ситуации в Галлии в этот период исследователи традиционно привлекают работы аквитанского аристократа Сидония Аполлинария и Гетику Иордана. Эти источники ни словом не упоминают о каком-либо соглашении между Эврихом и императором, и приписываемая им корреляция с информацией из Жития Епифания является скорее желаемой, нежели действительной. В результате возникают неоправданное смещение смыслов и подмена понятий. Чтобы понять ситуацию с договором, необходимо в первую очередь проанализировать тот единственный источник, где этот договор фигурирует, – Житие св. Епифания.

Прежде чем приступить к анализу Жития, следует обратить внимание на его автора, Эннодия Павийского. Житие св. Епифания очевидно создавалось не как объективный и беспристрастный источник информации об исторических событиях. Цель написания этого произведения иная, и только исходя из понимания этой цели, возможен адекватный анализ его текста. Происхождение, социальный статус, жизненная позиция Эннодия – все это определило стилистическое и композиционное построение Жития, выбор определенных сюжетов и терминов. Эннодий был представителем романской провинциальной аристократии, подобно другому из-

вестному автору этого периода Сидонию Аполлинарию, и подобно последнему получил классическое риторическое образование. Возможно, эти двое были наслышаны друг о друге, поскольку имели общих друзей и дальних родственников. В отличие от Сидония, Эннодий большую часть своей жизни провел в северной Италии – в Павии и Милане, хотя и происходил, предположительно, из галльского Арля. Его клан пользовался большим влиянием – среди его родственников были консулы, префекты, магистры официй, епископы и магнаты [9. С. 200, 393, 454, 471, 700]. Соответственно, в своих текстах Эннодий транслировал ментальные установки и образ мыслей высшей провинциальной знати северной Италии – узкого и замкнутого социального слоя, приверженного политическим, риторическим и интеллектуальным играм. Рафинированность, нарочитая витиеватость и поэтичность слога, характерные для текстов Сидония Аполлинария, в равной степени были присущи и произведениям Эннодия. Шаблонность литературных аллюзий и реминисценций позднеантичной риторики превращала текст в поле псевдомифологического дискурса, лишь в небольшой части опирающегося на действительные исторические события. Как отмечает С. Кеннелл, риторические приемы были столь же привычны и обыденны для Эннодия и людей его круга, как телевизионные идиомы для современного человека. Поэтому она призывает оценивать Эннодия без излишней героизации, как, во-первых, характерного представителя церковного клира, и, во-вторых, как писателя и поэта, одаренного чуть выше общепринятого среднего уровня [10. С. 17]. Кроме того, С. Кеннелл обращает внимание на специфические условия времени, в котором жил и писал Эннодий. Сумбурность и кажущаяся непоследовательность его взглядов происходит из противоречий поздней Античности, периода трансформации общественных устоев и формирования новых, не знакомых ранее, идей, структур и институтов. Дихотомии военных и гражданских, чиновников и клириков, римлян и варваров, поэтов и мимов, наконец, литературы эллинистической и литературы христианской насыщали общественную жизнь этого времени и находили отражение в работах Эннодия [10. С. 19].

Первичной целью Жития св. Епифания, несомненно, являлась апологетика главного героя этого произведения. Епифаний представлен в нем как образец лучших качеств человека – с позиции романской аристократической интеллигенции: образованный, исключительно красноречивый, способный решить любое разногласие и убедить противников принять его точку зрения. При этом в работе имплицитно заложены и вторичные, перспективные цели: провозглашение культурного превосходства римской аристократии, в частности, над варварами, пропаганда общественного авторитета клира по сравнению со светскими властями, защита местнических интересов лигурийской знати и т.д. Все это сказывается на описании эпизода с договором между императором и Эврихом. Епископ Епифаний Павийский здесь выступает в качестве дипломата, посла к предводителю вестготов, человека, собственноручно и заключившего этот договор, поэтому в Житии описанию посольства уделено немало внимания.

При этом очевидно, что переговоры и итоговое соглашение интересовали и отображались Эннодием постольку, поскольку они могли быть иллюстрацией к создаваемому им образу Епифания – героя своего времени и своего сословия. Варвары и Эврих в изображении Эннодия, вероятно, также имеют мало общего с реальными историческими фигурами. Г. Холсэл в своем кратком аналитическом обзоре на страницах «Новой Кембриджской истории средних веков» справедливо указывает на текучесть понятий варварства и цивилизации в работах римских авторов [11. С. 38–41]. Эти понятия привязаны к непосредственным целям автора, конъюнктурны и представлены в различных, порою противоположных значениях. Варварство может выступать и в качестве позитивной характеристики, как пример первозданной чистоты нравов в противовес упадку римской цивилизации (в частности, у Тацита), и в качестве негативной, как главный признак и причина этого упадка. Изображение Эннодием варваров в Житии Епифания также обусловлено целью и структурой самого текста – они призваны контрастно оттенить достоинства павийского епископа и аристократа своей дикостью, воинственностью и необразованностью.

Непосредственной причиной переговоров между императором и Эврихом были, по словам Эннодия, несогласие, противоречия между этими двумя правителями (*Tunc inter eum [Nepos] et Tolosae alumnos Getas, quos ferrea Euricus rex dominatione gubernabat, orta dissensio est...*) [12. С. 489]. Эннодий не проявляет в Житии симпатии ни к галло-готскому полководцу Эвриху, ни к ставленнику Константинополя Непоту, его не интересует справедливость и обоснованность их позиций и даже, по сути, сам источник их разногласий. Для Эннодия важен сам факт противостояния, который дал возможность проявить себя Епифанию, показав превосходство классического риторического искусства над военной силой и ассоциированным с ней варварством.

Несмотря на то что акценты Эннодия расставлены не на предмете и причинах переговоров, он говорит несколько слов о событиях, им предшествовавших: «...dum illi [Gothi] Italici fines imperii, quos trans Gallicanas Alpes porrexerat, novitatem spernentes non disineret incessere, e diverso Nepos, ne in usum praesumptio malesuada duceretur, districtius cuferet commissum sibi a deo regnandi terminum vindicare» (между тем, [готы], отвергая новые границы италийского правления, расширенные за Галльские Альпы, не прекращали их тревожить, и, напротив, Непот, горячо желая осуществлять вверенное ему богом правление, защищал эти границы, дабы порочные намерения не стали реальностью) [13. С. 21]. Эта, пусть и ограниченная и не отраженная в других источниках, информация все же открывает возможность для анализа политики Непота в отношении Галлии. Однако ее трактовка в контексте взглядов различных исследователей оказывается также очень различной. Вызывает вопросы упоминание Эннодием неких границ. Означает ли это, как полагают многие исследователи, что Эннодий считает только Италию империей и тем самым признает факт распада Запада на отдельные политические субъекты? Однако даже в источниках более позднего происхождения империя репрезентировалась как целое во всей совокуп-

ности ее провинций. Или же, как аргументирует Э. Жиллет, в данном случае речь идет только об административных границах префектуры Италии? Вторая точка зрения представляется более взвешенной.

В этом случае возникает другой вопрос: зачем и каким образом Непот расширил границы префектуры за Альпами? В соответствии с административной реформой Диоклетиана 297 г. три альпийские провинции были распределены между италийской и галльской префектурами: Приморские Альпы на юге и Пеннинские Альпы на севере вошли в состав Галлии, в то время как центральные Коттские Альпы остались в подчинении италийского префекта. Учитывая периодические появления вестготов под Арлем и Марселем, поддержку узурпации Авита, миссию Вицентия в Италии, явно, что доступ в Италию для Эвриха был открыт. Возможно, что, опасаясь его потенциальной силы в условиях непрочности собственного положения, Непот перевел все альпийские провинции под свой контроль; также возможно, что это преобразование захватило и часть Нарбоннской Галлии, в частности крупнейшие центры Арль и Марсель.

Последние были принципиально важны для вестготов и в тактическом и в стратегическом плане. Арль являлся столицей всей галльской префектуры, включавшей, помимо собственно Галлии, также Испанию и Бретань. Марсель был ведущим портовым городом в регионе. Поддержка местными чиновниками и знатью Эвриха означала придание ему полуофициального статуса покровителя Галлии, возможно, даже префекта, с выходом на международную торговлю и политику через Марсель. Это было для Эвриха прекрасной перспективой, однако требовало для полной легитимации имперского назначения. Соответственно, Эврих стремился контролировать Арль и Марсель, и, согласно источникам, есть вероятность, что он добился этого уже в 473 г. [14; 15. С. 103; 16. С. 108].

Х. Вольфрам полагает, что в отношении этих сообщений существует хронологическое расхождение, которое он затрудняется объяснить. По его сведениям, существуют имперские солиды арльской чеканки с изображениями императоров Юлия Непота и Ромула Августула; следовательно, Арль во время правления этих императоров (474–476 гг.) оставался под контролем империи [7. С. 264, 269]. Каким образом Арль, взятый вестготами, одновременно был имперским? Представляется, что этому можно дать объяснение, и даже не единственное. Поддерживая Эвриха или нет, Арль оставался центром имперской префектуры, а следовательно, продолжал выполнять свои административные, в том числе и монетарные, функции. Изображения данных императоров на арльских монетах в случае, если Эврих владел в это время Арлем, говорят лишь о том, что он признавал легитимность имперской власти и, конкретно, власти Непота и Ромула Августула. Однако это может говорить и о другом: в 473 г. Эврих на волне беспорядков в империи вошел в Арль и в Марсель как защитник и гарант законности, но уже в 474 г. Непот, придя к власти, объявил эти города частью италийской префектуры. Если это так, то возмущение вестготов и тех галло-римских группировок, которые стояли за ними, естественно, поскольку такое изменение границ

префектур означало серьезные преобразования в политике и переориентировку крупных финансовых потоков. Э. Жиллет предполагает, что это делалось ради восстановления альпийских провинций после похода Вицентия 473 г. [17. С. 168]. Впрочем, вряд ли этот поход был настолько разорительным – никаких указаний на это в источниках нет. Другая версия, которую упоминает Э. Жиллет, заключается в том, что таким косвенным образом Непот поддерживал противника и альтернативу Эвриха – Экдиция в Оверни. Обе версии не исключают друг друга и так или иначе указывают на активную галльскую политику Непота.

Еще один спорный момент в рассматриваемом пассаже Эннодия – слово «*novitatem*». Хотя Дж. Арнольд относит это слово к контекстно соответствующему ему термину «*finēs*» – «новые границы», большинство других авторов, включая Т. Ходжкина, Ж. М. Кук, М. Чеза и Э. Жиллета, полагает, что речь здесь идет о «новом императоре» – Непоте [12. С. 489; 13. С. 21; 17. С. 168]. В случае принятия второй точки зрения причины несогласия между императором и вестготами выглядят совершенно иначе. Тогда вестготы не просто отвергали факт произвольного изменения границ провинции, но в целом не признавали императора со всеми его планами и решениями.

Это мнение исследователей опирается также на оценку мотивов Эвриха Иорданом («*Euricus ergo, Vesegetharum rex, crebram mutationem Romanorum principum cernens Gallias suo iure nisus est occupare... Tantas varietates mutationesque Eurichus cernens...*») (Эврих видел частую смену римских правителей, постоянные перемены и поэтому замыслил подчинить Галлию собственному правосудию) [16. С. 107]. Но в этих словах Иордана нет прямого указания на непризнание Эврихом власти римских императоров. Перевод Е.Ч. Скржинской «замыслил занять и подчинить себе Галлию» не представляется полностью корректным, поскольку термин «*iure*» – «*iūs*» можно понять как осуществление правовых, судебных полномочий. В этом контексте Эврих оказывается не агрессором, но человеком, который пытался сохранить правовую систему Галлии в условиях нестабильности и хаоса в имперских верхах. Вопрос неуважения или презрения к императору и его власти в таком случае отсутствует, скорее, Эврих выжидал реакции Непота на галльские события. Поскольку реакция была, по всей видимости, негативной, то вестготы, как и ранее в случае с Анфемием, предпочли не признавать власти нового ставленника Константинополя. Однако при этом следует заметить, что посольство Епифания было охотно принято и заслушано Эврихом. Соглашение было достигнуто, как только Непот проявил к этому политическую волю. Эврих был готов признать императора в обмен на признание собственных правовых и административных преобразований.

Мнение Т. Ходжкина о том, что оправданием агрессии Эвриха парадоксальным образом служит частая смена римских императоров, неверно [12. С. 489]. Во-первых, потому, что, как было показано выше, в этом нет ничего парадоксального; во-вторых, потому, что фигура и политика императора оставались для Эвриха принципиально значимыми для определения его соб-

ственного стратегического курса. В свете этого представляется, что прочтение «новые границы» является более вероятным.

Суммируя вышесказанное, можно представить ситуацию, предшествовавшую переговорам, следующим образом: Непот, укрепив свою власть в Италии, обратил внимание на Галлию. Он начал с того, что преобразовал границы итальянской префектуры, чем, очевидно, затронул область правовых, финансовых и социальных интересов вестготов и спровоцировал их недовольство. Кроме того, император пожаловал Экдицию, главному сопернику Эвриха, титул патриция в знак признания его заслуг – жест еще более провокативный. Очевидно, что император не стремился узаконить преобразования, произошедшие в Галлии за предыдущие годы, что автоматически ставило его в конфронтацию с Эврихом. Отсюда закономерны воинственные выпады вестготов на итальянских границах, по всей видимости, достаточно осторожные – стандартная стратегия подталкивания Рима к соглашению, использовавшаяся в течение поколений. В этот раз она оказалась эффективной, поскольку встревоженная лигурийская знать вынудила Непота согласиться на переговоры. Характерно, что Непот лишь дал разрешение на эти переговоры, но сам, хотя бы через приближенных, в них не участвовал – Епифаний выступал посланцем не столько императора, сколько лигурийской аристократии, к которой сам принадлежал. Возможно, Непот в данном случае действовал под давлением итальянской знати, но при этом сохранял надежду рано или поздно поставить Галлию под свой контроль.

Согласно Эннодию, переговоры прошли успешно, завершившись заключением искомого договора. Однако здесь необходимо также помнить о понимании успешности с точки зрения самого Эннодия. Для него позитивный исход встречи Епифания с Эврихом в свете приоритетов создания Жития означал, прежде всего, демонстрацию и всеобщее признание социально значимых качеств Епифания. Политические, дипломатические и, тем более, формальные частности, касающиеся условий соглашения, Эннодия не интересовали и поэтому остались за пределами текста. Эннодий представляет это соглашение лишь как пример дипломатического и риторического искусства павийского епископа. Соответственно, кульминацией сюжета о посольстве к Эвриху является речь Епифания. Она призвана в первую очередь отражать классический ораторский канон и вряд ли соответствует реальному общению епископа и предводителя вестготов. Ее фактологическое наполнение минимально и сводится к вопросу о границах. Епифаний напомнил Эвриху о том, что они традиционно установлены и размежеваны, а регионы, очерченные этими границами, безропотно подчиняются своим руководителям (*Nostis in commune, quo sit dominiorum antiquitas limitata confinio, qua sustinuerint partes istae illarum rectores famulandi patientia*). Однако данная формулировка настолько отвлеченная, что вызывает вопрос, о каких регионах и руководителях идет речь. Это вновь дает простор для исследовательских трактовок, вплоть до противоположных. Дж. Арнольд полагает, что в контексте разговора об отношениях вестготов и императора это выражение следует пони-

мать как подчинение области расселения вестготов-федератов римским императорам – в отличие от Ж.М. Кук, утверждающей, что здесь говорится о подчинении завоеванных римских провинций Эвриху [13. С. 23].

Следующая фраза источника, с одной стороны, раскрывает смысл предыдущей, с другой – создает новые вопросы. «Для тебя достаточно того, что [Непоту] была завещана [богом] [власть], или, по крайней мере, допустить, что с ним можно говорить как с другом, хотя к нему подобает обращаться как к господину (*Sufficiat quod elegit aut certe patitur amicus dici, qui meruit dominus appellari*)». Разговор ведется о взаимоотношениях Эвриха и императора. В этом свете представляется логичным предварительное напоминание о соблюдении федератского договора как подчеркивание исторически обоснованной субординации. Конфликт с императором с этой точки зрения выглядит недопустимым и святотатственным. Епифаний аргументирует правомочность власти Непота его богоизбранностью и призывает не видеть в императоре врага и признать Непота как *dominus*'a (в данном случае представляется, что речь идет не просто о значении «господин», сколько именно об императорском титуле).

О благожелательном настрое вместо прежней враждебности императора по отношению к Эвриху говорит слово «amicus» в речи Епифания. Большинство исследователей рассматривает это слово как сущность заключенного между императором и Эврихом договора: Непот, пусть и с оговорками, но признал Эвриха «другом», т.е. равным себе. На этом основании делается вывод о формировании независимого и самостоятельного Вестготского королевства именно в 475 г. Но не следует придавать этому слову смысл официального обращения. Тем более нельзя согласиться с теми авторами, которые на основании этого слова делают вывод о признании Непотом независимости вестготского королевства. Для дипломатической, правовой и историографической практики империи, даже в наиболее сложные для нее периоды, было нонсенсом обращение императора к провинциальному варварскому вождю на равных. Эннодий, как романский аристократ, поэт и епископ, гордившийся своим образованием и ориентировавшийся на классическую античную традицию, не мог допустить в своем сочинении подобный моветон. Поэтому использование этого слова Эннодием призвано лишь подчеркнуть отсутствие у Непота злых намерений в адрес Эвриха. Тем самым подразумевается, что у Эвриха нет причин бояться власти и воли императора и, следовательно, противоречить ей.

Кроме того, характерно, что Эннодий вслед за «amicus» вставляет «dominus», поддерживая идеологическую корректность образа императора. Разговор идет об официальном титуле, и он упомянут именно для того, чтобы не могла возникнуть даже иллюзия равенства. Контекст фразы видится в том, что если для Эвриха недостаточно факта богоизбранности Непота (что вполне возможно, учитывая небольшую набожность вестготов и их арианство), то он может рассчитывать на личное расположение и милость, однако при этом помнить о разнице в статусе.

Более того, Дж. Арнольд рассматривает эту фразу как завуалированное, но сознательное унижение Епи-

фанием Эвриха – последний поставлен в положение слуги, раба, не достойного называть императора другом. С этой точки зрения договор приобретает смысл, противоположный уравниванию статусов. Предводителю вестготов дали понять, что его положение подчиненное, его народ – часть населения провинции, повинующейся императорской власти. Подобная постановка вопроса должна была бы шокировать Эвриха, если бы не потерялась при переводе на готский, – по утверждению Эннодия, Эврих вынужден был прибегать к услугам переводчика. Однако как человек, всю жизнь проживший в пределах Римской империи и тесно общавшийся с романской аристократией, Эврих должен был знать латынь если не в совершенстве, то в достаточных пределах для того, чтобы не нуждаться в переводчике. Кроме того, как указывает сам Эннодий, двором Эвриха руководил Лев (Нарбоннский), искусный галло-римский оратор (*Leo nomine, quem per eloquentiae meritum non una iam declamationum palma susceperat*). В таких условиях нельзя полагаться на слова Эннодия о необходимости переводчика. Скорее, Эннодий привел этот эпизод только с целью подчеркнуть пафос своего изложения – триумф итало-романской цивилизации над необузданным и неграмотным варварством [13. С. 22, 24].

Если исходить из вышесказанного, то фраза об императоре-друге не может рассматриваться как отражение какого-либо исторического факта. Единственное, что можно с относительной уверенностью вынести из сообщения Эннодия, – это то, что около 475 г. имело место посольство от лигурийской знати к Эвриху с це-

лью урегулировать противоречия между ним и императором Непотом относительно новых административных границ. По мнению Э. Жиллета, именно интересы Лигурии представлял и защищал Епифаний в своем посольстве, и с этой точки зрения соглашение о границах подразумевало предотвращение набегов вестготов на лигурийские виллы и поселения. В этом смысле оно было успешным [17. С. 167–169]. Однако нельзя и придавать договору между Эврихом и Епифанием исключительно локальный характер. Епифаний выступал от имени императора, подчеркивал его авторитет, и согласие Эвриха не нарушать новые границы автоматически означало признание легитимности власти и распоряжений Непота.

Таким образом, это все-таки был договор Эвриха с империей, но опосредованный локальными интересами. Для Эвриха же была более всего важна легитимация его действий в Галлии императором. Посольство Епифания было сигналом такой легитимации, того, что Непот увидел в Эврихе официальное лицо с соответствующим статусом. Самим фактом посольства, переговоров и соглашения от имени императора Эврих был превращен в системе имперского мировоззрения из смутяна-маргинала в ординарного правителя имперской провинции. Соответственно, задним числом были узаконены все действия его и его соратников в Галлии. Они были реабилитированы в глазах имперского правосудия, вернув себе статус подданных – что, вероятно, было для них на тот момент значительно более важно и желанно, чем статус «друзей».

ЛИТЕРАТУРА

1. Клауде Д. История вестготов. СПб. : Евразия, 2002.
2. Циркин Ю.Б. Испания от Античности к Средневековью. СПб. : Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2010.
3. Ауров О.В. Королевства вестготов в истории средневекового Запада // Вестготская правда (Книга приговоров). М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012.
4. Хизер П. Падение Римской империи. М. : АСТ ; Астрель, 2011.
5. Livermore H. The Twilight of the Goths. Bristol, Portland : Intellect Books, 2006.
6. Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Римской империи и возникновение германских королевств М. : Изд-во МГУ, 1984.
7. Вольфрам Х. Готы. СПб. : Ювента, 2003.
8. Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб. : Евразия, 2008.
9. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Cambridge University Press, 1980. Vol. II.
10. Kennell S.A.H. Magnus Felix Ennodius: A Gentleman of the Church. University of Michigan Press, 2000.
11. Halsall G. The Barbarian Invasions // *The New Cambridge Medieval History*. Cambridge University Press, 2008.
12. Hodgkin T. Italy and her Invaders. Oxford : Clarendon Press, 1892. Vol. II.
13. Arnold J. Theoderic, the Goths and the Restoration of the Roman Empire. University of Michigan, 2008.
14. Хроникорум Цезаравгусты, 473. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Caesaravgusta/text.phtml?id=6898
15. Козлов А.С. Тенденциозность «Галльской хроники 511 года» // *Античная древность и средние века*. 2006. Вып. 37.
16. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб. : Алетея, 1997.
17. Gillett A. Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533. Cambridge University Press, 2003.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 ноября 2013 г.

Konkov Dmitry S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/15617793/378/21

EURICH, THE LEADER OF THE VISIGOTHS – FRIEND OR SUBJECT: THE TREATY OF 475 IN SOURCES AND HISTORIOGRAPHY.

Key words: Visigoths, barbarians; late Roman Empire; Eurich; Nepos; diplomatic relations; anthropological criticism of written source; myth-making in history.

The article is devoted to the treaty between the Roman Emperor Nepos and the leader of the Visigoths of Aquitaine Eurich in 475 AD. Many researchers estimate this treaty as a mark of the disintegration of the Western Roman Empire, which had anticipated its downfall in 476 AD. It is thought as the formal granting of independence to the Visigoths in Aquitaine and, as a result, the creation of their kingdom. It seems that the opinion of the researchers is influenced by mythology plot linked to the fall of the Roman Empire. So, it means an incorrect interpretation of written sources. The article attempts to research the treaty of 475 AD in terms of historical anthropology. It describes the features of thinking as the author of the written source, as the main actors of negotiations. Anthropological criticism of the source and comparison of the positions of the existing tradition of research allows to make suggestions about the most likely causes of negotiations, their nature and outcome. In particular, it is the local nature of the subject of the negotiations related to a

specific incident. The specific of the source hyperbolized the importance of the treaty of 475 AD. The meaning of the address as a "friend" by the Emperor to the leader of the Visigoths is examined and the fallibility of its interpretation as the term for the legal equality of the parties is proved. Assumptions are made concerning the vision of the present and future relations between the imperial government and the Visigoths by Nepos and Eurich. The source should be understood as the following: about 475 AD the embassy of Ligurian nobility was sent to Eurich to resolve the controversy between him and Emperor Nepos on the new administrative boundaries. The head of this embassy Epiphanius spoke on behalf of the Emperor, he emphasized his authority. Consent of Eurich not to break the new boundaries automatically meant the recognition of the legitimacy of authority and orders of Nepos. So, it was a treaty between Eurich and the Empire in the end, but mediated by local interests. For Eurich the legitimation of his actions in Gaul by the Emperor was most important. The Embassy of Epiphanius was the signal of such legitimation: Nepos had seen Eurich as an official with the appropriate status. The only fact of the embassy, negotiations and agreements with the Emperor turned Eurich from a marginal troublemaker to the ordinary imperial ruler of the province in the system of imperial ideology. Accordingly, all his and his colleagues' actions in Gaul were legalized in hindsight. They were rehabilitated in the eyes of the imperial justice, regaining the status of subjects – which probably was much more important and desirable for them than the status of friends at the moment.

REFERENCES

1. *Klaude D.* Istoriya vestgotov. SPb. : Evraziya, 2002.
2. *Tsirkin Yu.B.* Ispaniya ot Antichnosti k Srednevekov'yu. SPb. : Izd-vo filologicheskogo fakul'teta SPbGU, 2010.
3. *Aurov O.V.* Korolevstva vestgotov v istorii srednevekovogo Zapada // Vestgotskaya pravda (Kniga prigovorov). M. : Un-t Dmitriya Pozharskogo, 2012.
4. *Khizer P.* Padenie Rimskoy imperii. M. : AST ; Astrel', 2011.
5. *Livermore H.* The Twilight of the Goths. Bristol, Portland : Intellect Books, 2006.
6. *Korsunskiy A.R., Gyunter R.* Upadok i gibel' Rimskoy imperii i vzniknovenie germanskikh korolevstv M. : Izd-vo MGU, 1984.
7. *Vol'fram Kh.* Goty. SPb. : Yuventa, 2003.
8. *Myusse L.* Varvarskie nashestviya na Evropu: germanskiy natisk. SPb. : Evraziya, 2008.
9. *The Prosopography of the Later Roman Empire.* Cambridge University Press, 1980. Vol. II.
10. *Kennell S.A.H.* Magnus Felix Ennodius: A Gentleman of the Church. University of Michigan Press, 2000.
11. *Halsall G.* The Barbarian Invasions // The New Cambridge Medieval History. Cambridge University Press, 2008.
12. *Hodgkin T.* Italy and her Invaders. Oxford : Clarendon Press, 1892. Vol. II.
13. *Arnold J.* Theoderic, the Goths and the Restoration of the Roman Empire. University of Michigan, 2008.
14. *Khronikorum Tsezaravgusty, 473.* URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Chr_Caesaravgusta/text.phtml?id=6898
15. *Kozlov A.S.* Tendentsioznost' "Gall'skoy khroniki 511 goda" // Antichnaya drevnost' i srednie veka. 2006. Vyp. 37.
16. *Iordan.* O proiskhozhdenii i deyaniiakh getov. SPb. : Aletyya, 1997.
17. *Gillett A.* Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533. Cambridge University Press, 2003.